

УДК 94(420).083

А.Ф. Аноп

ПРОВАЛ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ГРЕКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1919–1922 гг.

Рассматриваются вопросы, связанные с окончанием Греко-турецкой войны 1919–1922 гг. и подписанием Муданийского перемирия в октябре 1922 г. Этот факт означал окончательный отказ от Севрского договора и поражение ближневосточного политического курса, проводимого Коалиционным кабинетом во главе с Ллойд Джорджем. Широкое недовольство внутренней и внешней политикой коалиционного правительства в местных организациях послужило основанием для руководства Консервативной партии пойти на разрыв коалиции и вернуться к традиционной системе управления страной.

Ключевые слова: Великобритания, ближневосточная политика, Чанакский кризис. 1920-е гг.

Севрский договор, навязанный султанскому правительству в августе 1920 г., явился попыткой разрешения вопросов, связанных с переделом арабских и малоазиатских территорий Турции и установлением контроля над проливами. Договор закрепил результаты победы стран Антанты над Турцией, обеспечивал им военно-политическое превосходство в регионе и значительно подрывал государственную самостоятельность Турции. Севрский договор разрабатывался в обстановке острой дипломатической борьбы, явился результатом целого ряда встреч и конференций и во многих отношениях был политическим успехом английской дипломатии, которой удалось добиться признания Францией решений, направленных на усиление политического, экономического и финансового влияния Англии в Анатолии и арабских странах. Британский премьер сумел добиться поддержки планов Греции и провести решение об оккупации Смирны греческими войсками. С подписанием Севрского договора проблема мирного урегулирования с Турцией не была решена, так как договор не был признан Турцией и привел к затянувшейся Греко-турецкой войне. Курс коалиционного кабинета, направленный на поддержку планов Греции, не находил полной поддержки в правящих кругах Англии.

Непоследовательная позиция и нежелание противников прогреческой политики противостоять этому курсу позволили Ллойд Джорджу провести свои решения. В октябре 1922 г., во время Чанакского кризиса весь кабинет сплотился вокруг этой политики. В январе 1922 г. на конференции союзников в Канне Ллойд Джордж и Керзон информировали Гунариса о решении британского кабинета относительно вывода греческих войск из Малой Азии и уступок во Фракии в пользу Турции. Одновременно они предложили Бриану пакт, гарантирующий английскую помощь в слу-

чае нарушения франко-германской границы. В ответ Бриан обязался поддержать английские предложения по турецкому вопросу. Но наметившееся соглашение не было подписано, потому что кабинет Бриана пал. Новый кабинет возглавил Пуанкаре. На встрече с Керзоном 16 января он отказался от участия в союзнической конференции по Ближнему Востоку, предложив обменяться мнениями по решению вопроса в письменной форме [1. Р. 223].

В ответ на присланный Керзоном проект Пуанкаре ответил, что Франция не будет оказывать давление на турок, для которых предложения Керзона вряд ли будут приемлемы. Анкарское правительство соглашается на компромиссное решение во Фракии, но настаивает на своем суверенитете над Смирной и противится созданию армянской области в Киликии. Французское правительство готово пойти на уступки в этих вопросах [2. Р. 592–594]. Затянувшаяся война привела к истощению греческих ресурсов. В феврале Гунарис вынужден был обратиться к Англии с просьбой об оказании Греции материальной и финансовой помощи. Сообщая Керзону о трудностях и проблемах греческой армии в Анатолии, он предупредил, что без помощи деньгами, оружием и другими материалами армия вынуждена будет оставить Смирну туркам. В ответном письме Керзон не давал обещание помощи, но в то же время выразил уверенность, что греки смогут оставаться в Малой Азии до тех пор, пока не будет достигнуто дипломатическое решение. Поэтому вопрос о выводе войск греки должны были решать сами [1. Р. 224].

Британский посол в Афинах Линдли присоединился к мнению Керзона, что в отсутствие дипломатического решения поспешный вывод греческих войск не отвечал интересам Британии. Такой шаг мог привести к победе турецких националистов, сделав их несговорчивыми, а также поста-

вить под удар позиции Британии по вопросу о проливах, Константинополе и Месопотамии [1. Р. 224]. Керзон ответил, что греческое правительство должно надеяться на приемлемое решение предстоящей конференции союзников. 4 марта 1922 г. Накануне намечаемой встречи союзников министр по делам Индии Монтегю решился на опубликование телеграммы вице-короля Индии Ридинга с изложением точки зрения на пересмотр Севрского договора. В ней предлагалось эвакуировать союзные войска из Константинополя, сохранить суверенитет султана над святыми местами и вернуть Турции Смирну и Фракию, включая Адрианополь. Хотя недовольство в Индии Севрским договором было хорошо известно, Монтегю без консультации с кабинетом открыто выступил с осуждением политики, не входящей в ведение его департамента [1. Р. 225]. Такое выступление накануне встречи в Париже осложняло задачу Керзона добиться согласия Франции на выработку общей линии ближневосточной политики. 9 марта по настоянию Ллойд Джорджа и Керзона Монтегю ушел в отставку.

Конференция в Париже проходила с 22 по 26 марта 1922 г. В ней участвовали Пуанкаре, Керзон и министр иностранных дел Италии Шанцер. Конференция обратилась к Греции и Турции с нотой, в которой содержался призыв прекратить военные действия и предлагался план для достижения соглашения. План предусматривал вывод греческих войск из Анатолии под наблюдением союзных офицеров и возвращение Смирны под власть Турции. Предлагалось привлечение Лиги Наций для решения армянского вопроса и выработка новых соглашений по защите национальных меньшинств. Восточная Фракия должна была отойти Греции, но западная граница Турции передвигалась от Чатагджи до Родосто включительно. В районе проливов предусматривалось сохранение демилитаризованной зоны и союзной оккупации на европейском берегу, включая Галлиполийский полуостров до линии Родосто на Мраморном море, а также создание международной комиссии по контролю над проливами. Предлагалась отмена всеобщей воинской повинности в Турции и введение принципа добровольности в армии, численность которой увеличивалась до 85 тыс. Сохранялся финансовый контроль, и предусматривался пересмотр положений о капитуляциях [2. Р. 649].

В основе предложений лежало стремление удержать контроль над берегами Дарданелл, и с этой целью граница проводилась таким образом, чтобы Галлиполийский полуостров оставался в греческой части Фракии. Специальный режим со-

хранялся только в Смирне, исключая прилегающую территорию. М. Кемаль писал, что, судя по предложенным условиям, державы «вступили в новую фазу агрессивной деятельности, направленной против нас и рассчитанной на наше уничтожение» [3. С. 70]. В ответ на предложения союзников Турция потребовала в качестве предварительного условия немедленно эвакуировать войска из Смирны. Кемалисты напоминали, что греческий король откликнулся на решения Лондонской конференции приказом о наступлении, а на мирную инициативу в июне 1921 г. высадкой в Смирне. Греческое правительство соглашалось на перемирие, но в ответ на дальнейшие уступки со своей стороны требовало уступок со стороны кемалистов [1. Р. 225].

Парижская конференция оказалась последней попыткой союзников решить проблему дипломатическим путем. Война продолжалась. По мнению Ллойд Джорджа, условия кемалистов не могли быть приемлемы, так как немедленная эвакуация означает «оставление греками 500 тыс. своих сограждан на милость турок без гарантий не допустить возобновления резни». В разговоре с Венизелосом в конце мая он высказал убеждение, что «Греция должна строго придерживаться своей политики и не уступать в вопросе о Смирне». Он считал, что, если греческая нация проявит упорство, её будущее будет обеспечено [4. Р. 225]. 29 июля британский посол в Афинах был приглашен в греческое министерство иностранных дел, где ему была вручена нота с сообщением, что греческое правительство решило оккупировать Константинополь. За два дня до этого греческие корабли вышли из Константинополя для тайной переброски греческих дивизий из Смирны во Фракию и подготовки к наступлению [1. Р. 227]. Оказавшись не в состоянии захватить Анкару, Греция делала последнюю ставку на захват Константинополя. Франция и Италия решительно противились этому. Верховные комиссары союзников выступили с заявлением, что любой попытке захватить Константинополь будет оказано военное сопротивление. 4 августа, желая поощрить греков, Ллойд Джордж произнёс в палате общин речь, смысл которой сводился к тому, что союзники должны позволить Греции вести войну в полную силу. В тот же день греческое правительство передало в Британию конфиденциальную ноту с просьбой о займе [5. Col. 1997–2005]. Речь премьер-министра вызвала прилив энтузиазма в Греции и, по словам Линдли, «передавалась как приказ дня в армии, хотя не содержала обещаний сохранить за Грецией плоды победы» [2. Р. 919].

В политических кругах Англии речь Ллойд Джорджа вызвала отрицательную оценку. «Как можно ожидать, что турки будут вести переговоры с человеком, который мог произнести такую речь?», – писал лорд Дерби в письме Бонар Лоу [6. Р. 322]. В начале сентября он направил письмо О. Чемберлену, в котором заявил, что более не поддерживает коалицию и намерен присоединиться к Солсбери и его новой партии. «Что касается меня, внешняя политика правительства такова, что не позволяет мне поддерживать их. Эта политика всегда казалась мне чреватой провалом и катастрофой», – писал Дерби [7. Р. 449].

Речь Ллойд Джорджа и переброска двух греческих дивизий убедили кемалистов спешить с наступлением, которое они планировали. 26 августа 1922 г. национально-освободительная армия начала широкое наступление против греческих войск в Анатолии. После сокрушительного поражения при Карахисаре греческая армия начала в беспорядке отступать к Смирне и Мраморному морю. 9 сентября турецкие войска заняли Смирну. По мере продвижения турецких войск к проливам и Константинополю там начались народные демонстрации, направленные против оккупационных властей. Зона вокруг проливов, объявленная нейтральной по Севрскому договору, охранялась 12 батальонами союзников. После поражения греческой армии эта оборонительная линия становилась единственным барьером против захвата Константинополя и продвижения турок в Европу. Возникла угроза позорного изгнания войск союзников из Константинополя и зоны проливов. Военное поражение от 100-тысячной армии национально-освободительных сил означало потерю престижа в глазах покоренных народов. По просьбе главнокомандующего союзными силами генерала Харрингтона французские и итальянские войска были направлены на укрепление обороны Исмидского полуострова на Босфоре и Чанакского на Дарданеллах.

7 сентября британский кабинет обсуждал сложившееся положение. В центре внимания был вопрос об обороне проливов всеми возможными средствами. По мнению Керзона, для обороны Константинополя можно было использовать отступающую греческую армию, а также подавить выступления внутри города с помощью французов и итальянцев. Кроме этого, напоминал он, в городе проживало 40000 греков. Британские войска решено было послать на Галлиполийский полуостров, занимаемый французами. В случае атаки на Исмидский полуостров Харрингтон мог отдать приказ об отступлении к Константинополю, но

противиться всеми сухопутными и морскими силами попытке турок пересечь Босфор. Британские корабли посылались в Смирну на помощь греческим беженцам. Харрингтону передавался приказ о выводе войск с Исмидского и Чанакского полуостровов [8. Р. 178–180].

Узнав о решении кабинета, верховный комиссар в Константинополе Рамболд и Харрингтон стали настаивать на обороне этих позиций, удержание которых считали важным для безопасности Константинополя и проливов. Они считали, что вывод войск подорвал бы престиж союзников, которые действовали в единстве. Кроме того, националисты уже были информированы об укреплении позиций. Наконец, удержание позиций могло послужить серьезным аргументом во время дальнейших переговоров с кемалистами [1. Р. 230].

На совещании с представителями военного министерства и адмиралтейства премьер-министр высказал убеждение о необходимости вывода британских войск до того, как подобное требование будет предъявлено кемалистами. Военные поддержали мнение Харрингтона, считая что занятие Чанакского полуострова кемалистами и размещение там орудий сделают невозможным проход британских кораблей через проливы. Поэтому Харрингтону было разрешено отложить эвакуацию в случае присылки союзных войск. Была выражена надежда, что союзники сделают совместное заявление Кемалю, предупреждая его против занятия нейтральной зоны. Если союзники откажутся от сотрудничества, Британия будет действовать одна.

Совместная декларация была объявлена, но уже на следующий день французскому верховному комиссару генералу Пелле, который добивался встречи с Кемалем, было заявлено, что турецкое правительство не признает нейтральной зоны и что остановить продвижение турецких войск до полного освобождения Фракии невозможно.

В интервью корреспонденту газеты «Дейли мейл» Прайсу от 15 сентября 1922 г. М. Кемаль говорил, что, по его мнению, теперь не существовало причин для продолжения войны. «Границы, которые мы требуем для Турции, не включают Сирию и Месопотамию, а только районы, населенные преимущественно турками. Наши требования принципиально не изменились... Мы просим Малую Азию, Фракию до реки Марицы и Константинополь. Мы готовы гарантировать безопасность свободного прохода в Дарданеллы, которые мы обязуемся не укреплять. Было бы правильно, если бы державы согласились на создание таких оборонительных сооружений на Мраморном

море, которые позволили бы нам защитить Константинополь от неожиданной атаки». На вопрос, что будет предпринято, если союзники откажутся передать Константинополь, Кемаль ответил: «У нас должна быть наша столица. Я вынужден буду в этом случае двинуть всю свою армию, что займет всего несколько дней. Я бы предпочел решение вопроса путем переговоров, хотя, естественно, не могу ждать неопределенно долго» [8. Р. 181–182].

В тот же день в Лондоне обсуждалось сложившееся критическое положение. Военный министр Уортингтон-Эванс представил карту с обозначением численности и дислокации сил союзников на обоих берегах проливов. Общие силы союзников составляли 7600 человек. В их распоряжении было 28 орудий, 12 танков и броневилов, 20 аэропланов, 5 гидросамолетов. Турки имели на европейском берегу нерегулярные вооруженные силы в количестве 6 тыс. человек, в зоне проливов вокруг Чанака – 5 тыс. чел., в Смирне – 40 тыс. чел. [8. Р. 210].

В телеграмме фельдмаршала Плумера, осмотревшего оборонительные сооружения на Чанаке, давалась благоприятная оценка общей стратегической ситуации и выражалось мнение, что присутствие английских боевых судов в Мраморном море не давало возможности турецкой армии перейти в Европу [9. Р. 634].

Принятые кабинетом решения свидетельствуют о серьезности и масштабах задуманной кампании. Прежде всего, речь шла о военном подкреплении. С этой целью в район проливов перебрасывались батальоны из Египта. Резервная дивизия была приведена в боевую готовность. Главнокомандующему морскими силами на Средиземном море было дано право предпринять любые действия, которые он сочтет нужным для разрушения любых транспортных средств, доставляющих турецкие силы в Европу. Кроме этого, решено было обратиться за военной помощью к государствам Балканского полуострова, которым гарантировалось участие в предстоящей мирной конференции. Следовало просить греков об их посильном участии. У. Черчилль должен был составить телеграмму доминионам, приглашая их от имени Ллойда Джорджа прислать военное подкрепление в Константинополь [8. Р. 211–214]. В телеграмме к премьер-министрам доминионов, в частности, объявлялось, что союзники поддерживают Британию в защите нейтральной зоны, и выражалась надежда на получение военной помощи из Греции, Румынии и Сербии. Было выражено мнение, что заявление доминионов о помощи могло сыграть роль в предотвращении военных действий. Далее в телеграмме содержалось напоминание, что защита

свободы проливов представляет жизненные имперские и мировые интересы, во имя которых были принесены жертвы во время войны [9. Р. 635].

На следующее утро в печати появилось коммюнике, составленное У. Черчиллем и Биркенхедом по просьбе премьер-министра. Преувеличивая опасность турецкого вторжения в Европу, делалось заявление, что «условия, выдвинутые анкарским правительством, грозят уничтожить все результаты победы, одержанные над Турцией во время последней войны... Британское правительство, как говорилось здесь, считает постоянную и действительную свободу проливов существенно важным вопросом, ради правильного решения которого оно готово пойти на решительные действия [10. С. 460]. О настроении кабинета в то время писал несколько позже У. Черчилль: «Я оказался в деле с небольшой группой решительных людей: премьер-министр, лорд Бальфур, мистер О. Чемберлен, лорд Биркенхед, сэр Л. Уортингтон-Эванс... Мы делали общее дело. Правительство могло пасть... Нация могла не поддержать нас... Пресса могла поднять шум, союзники – оставить нас. Мы намеревались заставить турок пойти на переговоры о мире» [4. Р. 151].

Опубликование этого обращения к широкой общественности не нашло того отклика, на который рассчитывала группа воинственно настроенных министров. Коммюнике было опубликовано без официальной санкции всего кабинета и без ведома Керзона, который отсутствовал на заседании кабинета. Правительства Румынии и Югославии дали понять, что не намерены принимать участие в войне. В Канаде, Австралии и Новой Зеландии телеграммы были получены в понедельник, к тому времени, когда премьер-министры уже ознакомились с текстом коммюнике в утренних воскресных газетах. Согласием прислать батальон откликнулось только правительство Новой Зеландии. Британский кабинет решил опубликовать ответ новозеландского правительства. Премьер-министры Канады и Южной Африки в ответе британскому правительству выразили убеждение, что Ллойд Джорджу не следовало решать вопросы, относящиеся к компетенции парламента доминионов, которым принадлежало право рассматривать вопросы вступления в войну. Отказ доминионов был равносителен требованию предоставления им суверенитета в области внешней политики. Обращение британского правительства к доминионам и Балканским странам без консультации с союзниками вызвало возмущение во Франции и Италии. В тот же день их войска были выведены с азиатского берега Мраморного моря.

«Страна поставлена в неловкое положение, союзническая солидарность под угрозой... по вине воинствующей части кабинета», — писал Керзон [11. Р. 264]. Перед заседанием кабинета ему было вручено письмо премьер-министра, в котором предлагалось, чтобы Биркенхед сопровождал его на встречу с Пуанкаре. «Когда я отклонил это предложение, премьер-министр поставил об этом в известность весь кабинет, пытаясь заставить меня согласиться с присутствием Биркенхеда. Я заявил, что поеду один или вовсе не поеду», — вспоминал Керзон [11. Р. 264]. Он был убежден, что Биркенхеду были даны секретные инструкции спровоцировать войну, что позднее после отставки Ллойд Джорджа признал один из личных секретарей премьер-министра в разговоре с французским журналистом [11. Р. 264].

Встреча Керзона с Пуанкаре показала, что англо-французские отношения были на грани разрыва. Накануне встречи Пуанкаре указал Хардингу, что «британское правительство проводит политику войны». Объясняя вывод французских войск, он заявил, что французское правительство решило аннулировать «опасное предложение верховного комиссара об обороне азиатского берега проливов». Он сказал, что ни одно французское правительство, отдавшее приказ об открытии огня, «не продержалось бы и дня... Что бы ни делала Британия... Франция желает достичь договорённости с Кемалем». Керзон заявил, что ему остаётся объяснить своему правительству, что «Антанта перестала существовать...» [12. Р. 933].

На следующий день последовала новая ссора, спровоцированная упоминанием Керзона о выводе французских войск, как о «предательстве со стороны Франции». Пуанкаре вспылал и отчитывал Керзона в течение пятнадцати минут, как школьный учитель провинившегося ученика. Керзон не мог сдерживаться, он покинул комнату и, схватив Харрингтона за руку, повторял: «Чарли, я не могу выносить этого ужасного маленького человека. Что мне делать? Может, ехать домой?» [8. Р. 232]. Только благодаря вмешательству Хардинга ссора была прекращена, и конференция продолжалась. Керзон и Хардинг ежедневно информировали кабинет о ходе дискуссий. В телеграмме 20 сентября Хардинг сообщал о переговорах генерала Пелле с Кемалем и о решимости последнего отстаивать требования, выдвинутые в Национальном обете. Далее он передавал мнение Пуанкаре о том, что «французская общественность не допустит ни одного выстрела против турок, что они могут перейти в Европу, когда захотят» [8. Р. 232–237].

Вечером того же дня Керзон сделал сообщение. Он подтвердил нежелание Франции участво-

вать в войне против Турции. На предложение Керзона о созыве мирной конференции с участием великих держав, Греции, Турции, Сербии и Румынии Пуанкаре и Сфорца ответили согласием, но настаивали на предварительной договорённости с Турцией. Керзон соглашался на «возврат Константинополя после подписания договора с Турцией, но настаивал на демилитаризации проливов под эгидой Лиги Наций. Турции предлагалось участие в Лиге Наций. В ходе переговоров Сфорца настоял на возврате Турции Фракии до реки Марицы. Керзон согласился. В следующем сообщении он добавил, что, пытаясь выиграть время, он предложил Харрингтону встретиться с Кемалем для определения линии отступления греческой и турецкой армий до окончания работы предлагаемой конференции. Пока шло рассмотрение этого предложения, можно было продолжать укрепление оборонительных сооружений [8. Р. 232–237].

Эти предложения легли в основу коллективной ноты держав Антанты, которая была передана по телеграфу в Анкару. Керзон вернулся в Лондон с убеждением, что ему удалось предотвратить войну. В последующие дни ситуация вновь изменилась, и опасность военного столкновения возникла вновь. Известие об отречении греческого короля Константина 27 сентября и возвращении к власти Венизелоса было с энтузиазмом встречено британским премьер-министром и его сторонниками. Но в Турции это сообщение вызвало тревогу. Возникли опасения, что Ллойд Джордж может прибегнуть к помощи греческих войск и начать войну. 24 сентября Ллойд Джордж выступил в палате общин с декларацией, объявив стержнем всей британской политики на Ближнем Востоке «тревогу за свободу плаванья между Средиземным и Чёрным морями», он подтвердил, что Англия будет отстаивать свои требования к статусу проливов [13. С. 217]. 23 сентября, в день, когда было послано приглашение на конференцию, турецкие силы вошли в нейтральную зону к югу от Чанака. Через два дня Кемаль потребовал вывода британских войск с азиатского берега проливов [14. Р. 57].

Вечером 27 сентября в Лондоне заседал военный комитет в составе Ллойд Джорджа, О. Чемберлена, Хорна, У. Черчилля, Биркенхеда, Керзона, Уоррингтон-Эванса и лорда Ли. Обсуждался вопрос о готовности Англии к войне. Речь шла о том, что военного поражения на Чанаке нельзя было допустить. Оно означало бы подрыв международного авторитета Британии. Вывод войск из Константинополя для укрепления позиций в Чанаке также был невозможен. Это могло привести к разрыву с Францией и Италией и подорвать воз-

возможность союзнического сотрудничества по выработке договора. В то же время, если Чанак будет занят турками, удержать Константинополь будет невозможно. На следующий день английские силы в районе Дарданелл были подкреплены артиллерией, авиацией и танковыми частями [9. Р. 650; 13. С. 260]. По оценке У. Черчилля, это изменило тактическую ситуацию в пользу Британии, так как у турок не было танков и отравляющего газа. С точки зрения стратегии ситуация также была выгодна для Британии. Если бы Кемаль «хотел покончить с греками, он должен был бы пересечь проливы. Так как британский флот контролировал проливы, единственный возможный путь для его армии проходил через Босфор и Константинополь. Но если бы он решился перевести свои основные силы во Фракию, Британия всё равно контролировала бы ключевые позиции, угрожающие его коммуникациям на суше и на море» [9. Р. 650].

28 сентября состоялась встреча Кемали с прибывшим из Парижа Франклен-Буйоном. Он предложил Кемали принять условия, выдвинутые союзниками в ноте от 23 сентября, и обещал по поручению французского правительства оказать на предстоящей встрече дипломатическую поддержку. 29 сентября Кемаль сообщил Пуанкаре о согласии на переговоры, настаивая на немедленном выводе греческих войск и принимая условие союзников о сохранении оккупации Константинополя и проливов до вступления в силу мирного договора [13. С. 218]. В тот же день Харрингтон получил текст ультиматума для передачи турецкому командующему в Чанаке. Ультиматум гласил, что если его войска не будут выведены, «все силы в нашем распоряжении – морские, сухопутные и воздушные откроют огонь». В инструкции генералу подчеркивалось, что время ультиматума должно быть коротким, так как, по данным разведки, кемалистское наступление планируется на 30 сентября [9. Р. 650].

На заседании кабинета только Керзон выступил против ультиматума, а затем пытался добиться его отсрочки на 24 часа. Он встретился с представителем кемалистов, прибывшим по его просьбе из Парижа, который заверил его, что Кемаль не имеет намерений воевать с Британией, но опасается, что британское правительство ведёт переговоры с Грецией о военном наступлении во Фракии и подкреплении британского флота на проливах. В свою очередь, Керзон отрицал наличие связи с Афинами, где новое правительство находилось у власти всего несколько дней, и просил сообщить об этом Кемали. Вслед за этим Керзон убедил Чемберлена созвать совещание по поводу важного

сообщения. Кроме Чемберлена, на встрече присутствовали Хорн, лорд Ли, У. Черчилль и новый глава генштаба Каван. Все собравшиеся высказались против каких-либо изменений в ультиматуме, выразив сомнение в достоверности информации, полученной от турецкого представителя. Секретарь кабинета М. Хэнки, посланный для выяснения точки зрения премьер-министра, сообщил, что, по мнению Ллойд Джорджа, перспектива добиться мира предполагаемой отсрочкой была нереальной и связана с возможным военным риском [8. Р. 293]. Совещание на этом закончилось.

На следующий день кабинет созывался трижды в ожидании ответа от Харрингтона. В 11 часов поступило сообщение Хардинга, который передавал протест Пуанкаре по поводу ультиматума. На втором заседании обсуждался вопрос о возможной помощи грекам во Фракии. Премьер-министр предлагал предоставить им полную свободу действий, если Кемаль не ответит своим войскам. Керзон пишет, что «кабинет был взволнован возможностью продолжения войны. Конференцию в Мудании хотели отменить, и нам предстояло быть втянутыми в войну». Это мнение с готовностью поддерживали Ллойд Джордж и У. Черчилль [8. Р. 294–295]. «После третьего заседания, которое вновь закончилось без какого-либо решения, – вспоминает Керзон, – Болдуин, Боскюин и Пиль сказали мне, что готовы поддержать меня до конца и уйти в отставку вместе со мной в случае необходимости» [11. Р. 286]. На следующий день Харрингтон сообщил о получении от Кемали ответа на ноту союзников. «Я дал понять, – писал он, – что в случае необходимости не буду колебаться с открытием огня, используя всю мощь Англии, стоящей за моей спиной». Затем он оценивал ситуацию, считая её менее опасной, чем накануне, и в заключение просил немедленно сообщить, одобряет ли правительство его действия [8. Р. 296–297].

1 октября Харрингтон получил ответ с одобрением своих действий и инструкциями по проведению конференции. Он должен был ограничиваться только решением военных вопросов. Все политические решения должен принимать Рамболд. Далее кабинет информировал, что, по сообщению лорда Хардинга, французское и итальянское правительства в интересах сохранения мира согласились на греческую эвакуацию из Фракии. Подчеркивалось, что единственной целью предстоящей встречи является определение границ отступления греческих сил во Фракии. Анкарское правительство должно дать обязательство не посылать войска в нейтральную зону до окончания работы мирной конференции и не входить в проливы.

Харрингтону надлежало связаться с командованием союзных войск и греческой армии для организации встречи. В аналогичной телеграмме, посланной Рамболду из Форин офиса, подчёркивалось, что невозможно допускать затягивания Муданийской конференции, так как это могло позволить Кемалю укрепить свои позиции на Исмидском полуострове с целью вторжения в Европу [8. Р. 301–302].

Конференция в Мудании открылась 3 и закончилась 11 октября подписанием соглашения об эвакуации греческих войск и их штабов в течение 30 дней. После этого здесь восстанавливалась власть Турции. Войска союзников оставались в Константинополе, на проливах и на Галлиполийском полуострове до заключения мирного договора. Турецкие войска не должны были входить в нейтральную зону в районе Чанакского полуострова, примерно в 15 км от азиатского берега Дарданелл. Турция добилась освобождения Восточной Фракии, а Антанта – права держать свои войска на территории Турции и тем самым оказывать влияние на ход переговоров. При выработке соглашения возникли спорные вопросы. 5 октября генералы прервали переговоры для консультации со своими правительствами, так как греческий генерал Мазаракис не соглашался на требование Исмет-паши об отводе греческих войск на левый берег реки Марицы. На следующий день турецкое правительство довело до сведения союзных правительств, что не примет участие в мирной конференции, если греческие войска не будут эвакуированы. 8 октября союзники согласились на отвод греческих войск. В начале октября в Лондон прибыл Венизелос. Его сопровождал Базил Захаров, который был известен в деловом мире как финансист и торговец оружием. Являясь поверенным лицом Венизелоса, он разделял его планы создания греческой империи в Малой Азии. Сообщая об их визите, газета «Дейли экспресс» отмечала, что «затеваются интриги, направленные на спасение Греции» [8. Р. 309].

7 октября в «Таймс» и «Дейли экспресс» появилось письмо Бонар Лоу с осуждением ближневосточной политики правительства. Бонар Лоу писал, что прекращение войны и сохранение свободы проливов отвечает не только британским интересам, но интересам всего мира. «Мы находимся на проливах... по воле союзных держав, которые выиграли войну... – заявил он, – и не можем выступать как единственный полицейский в мире. Финансовые и социальные условия в нашей стране не позволяют этого» [15. Р. 206–207]. Лорд Бивербрук комментировал, что это письмо делало

Бонар Лоу независимым консерватором и кандидатом в премьеры. Письмо Бонар Лоу появилось через три дня после обращения Венизелоса к союзникам от имени греков, проживавших в Константинополе и Восточной Фракии. Он предлагал, чтобы союзники заняли Восточную Фракию и контролировали её передачу туркам [8. Р. 310]. Тем временем Рамболд телеграфировал в Форин офис, что представитель Турции потребовал передачи Восточной Фракии и вывода оттуда всех союзнических контингентов и миссий. Требование шло вразрез с предложением союзников от 23 сентября. Исмет-паша дал понять, что если предложение не будет принято, его войска будут приведены в действие. Турки обращались с просьбой перебросить в Восточную Фракию жандармерию, которая, в сущности, могла быть армией. Рамболд указывал, что верховные комиссары союзников были склонны пойти на любые уступки [8. Р. 314].

Перспектива мира теперь зависела от результатов переговоров Керзона в Париже, который добивался согласия Пуанкаре на союзную оккупацию Фракии. Внутри кабинета министров усилились настроения против возобновления войны. Министр сельского хозяйства Гриффитс Босюин писал Чемберлену и Керзону: «Думаю, что стране нет дела до Фракии, а консерваторы вообще предпочли бы видеть там турок, а не греков. Наша старая политика была направлена на хорошие взаимоотношения с Турцией, и это важно, если принять во внимание, что огромную часть Британской империи составляет мусульманское население» [6. Р. 325].

Через несколько дней стало ясно, что такие взгляды разделяли другие министры, среди которых были Пиль, Крофорд, первый лорд адмиралтейства Ли, а также либеральные министры Монд. Фишер, Шортт, Монро и Макнамара, которые также высказались против подстрекательства к войне. Уступая давлению кабинета, Ллойд Джордж согласился послать телеграмму Керзону с одобрением согласия, достигнутого с Пуанкаре. Лорд Ли высказался по этому поводу, что Ллойд Джордж потерял свою власть в кабинете, столкнувшись с умеренностью и здравым смыслом членов правительства [6. Р. 326]. Когда конференция возобновилась, перед Харрингтоном стояла задача добиться согласия Исмет-паши на союзную оккупацию Фракии и вывод турецких войск с Чанакского и Исмидского полуостровов в качестве компенсации за вывод греческих войск за реку Марицу. Он подготовил речь, достойную дипломата, в которой содержались уверения в необходимости взаимного доверия, в розовых тонах изображались

предложения союзников и содержалось предупреждение об опасностях в случае отказа от условий союзников [8. Р. 315]. Исмет-паша ответил отказом. Конференция была прервана. Харрингтон вернулся в Константинополь для консультации с Рамболдом. Исмет-паша консультировался с Кемалем.

По возвращении на следующее утро Харрингтон получил правительственную телеграмму с распоряжением начать военные действия в случае необходимости. За ней пришла вторая, подтверждающая содержание первой. Затем поступило сообщение командующего английскими силами в Чанаке генерала Мардена о приближении турецких войск. Назначив время открытия огня, он отправился на встречу с Исмет-пашой. Последний по-прежнему не соглашался на эвакуацию из Чанака. «Эта сцена стоит у меня перед глазами, – вспоминает Харрингтон. – Ужасная комната, в которой горит только одна лампа. Я вижу лицо начальника турецкого штаба. Он не отрывает от меня взгляда. Я хожу по одной стороне комнаты, повторяя: «Я должен получить этот район, я не соглашусь на меньшее». Исмет-паша шагает по другой стороне комнаты, повторяя, что не согласен. Затем совсем неожиданно он говорит: «Согласен». Никогда в своей жизни я не удивлялся так сильно!.. Оставался только один вопрос – о численности турецкой жандармерии, которой разрешалось войти во Фракию. Исмет назвал цифру 9 тыс., мы согласились на 8 тыс., хорошо зная, что они не будут придерживаться никаких цифр» [8. Р. 316].

Приказ Харрингтона, отменяющий открытие огня, Марден получил за час до назначенного времени. Текст соглашения составлялся всеми генералами, за исключением Мазаракиса, который вернулся на греческий корабль. Греческое правительство признало конвенцию от 15 октября, так и не подписав документа. Конвенция предусматривала прекращение военных действий и отвод греческих войск на левый берег реки Марицы. Союзники получали право оккупировать правый берег реки. Греческая администрация передавалась военным комиссиям союзников. В течение 30 дней 7 батальонов союзников должны были войти во Фракию для охраны порядка. Турецкие войска должны были отойти на 15 км от побережья и не увеличивать численности. Такие же условия относились к Исмидскому полуострову. Союзные войска оставались в Константинополе и на Галлиполи до окончания мирной конференции. Это позволило им добиваться нужного им режима проливов в

ходе переговоров о мирном договоре на предстоящей конференции.

Сразу же после объявления перемирия греческое население Восточной Фракии начало отходить к реке Марице. По данным Лиги Наций, около четверти населения двинулось с места. События, имевшие место в 1922 г., показали нежелание британского кабинета считаться с реальным соотношением политических сил и игнорирование им требований нового правительства Турции, а также союзников, согласившихся на поддержку требований, выдвинутых в Национальном обете. Не был принят в расчет такой фактор, как моральное и политическое превосходство турецкой освободительной армии, а также поддержка национальных устремлений турецкого народа на международной арене, которая, в частности, выразилась в отказе Балканских стран и британских доминионов поддержать военные приготовления Англии. С другой стороны, вплоть до окончательной военной катастрофы в Смирне делалась ставка на возможность победы греческой армии, которая не в состоянии была обходиться без помощи своего союзника, правительство которой вновь отвергло политические решения, предложенные союзниками в марте.

Особую роль в проведении этого политического курса продолжал играть британский премьер-министр, который не желал идти даже на уступки, которые предлагались Керзоном и другими членами кабинета по согласованию с союзниками. Поддерживая отношения с бывшим греческим премьером Венизелосом, он поощрял Грецию к новой военной кампании по захвату Константинополя. Во время Чанаковского кризиса премьер-министр сумел сплотить вокруг себя группу ведущих министров кабинета, которые были готовы начать войну ради удержания контроля над проливами и спасения политического престижа Англии, в значительной степени подорванного их собственными действиями. Курс на подготовку к войне поставил отношения с союзниками на грань разрыва и вызвал резкое недовольство внутри страны, также среди кабинета министров. Осуждение политики Ллойд Джорджа со стороны Бонар Лоу свидетельствовало о решимости консервативного руководства порвать с коалиционным правительством. После отставки коалиционного кабинета 24 октября 1922 г. усилия английских политиков были направлены на то, чтобы спасти оставшиеся положения Севрского договора и подписать с турецким правительством новый договор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dockrill M. L. and Goold J.D.* Peace without promise: Britain and the Peace conference, 1919–1923. L.: Batsford acad. and educational, 1981. 287 p.
2. *Documents on British foreign policy 1919–1939* / Ed. By W.W. Medlicott. S. 1. Vol. 17. L.: H.M. Stat. off., 1970–1972.
3. *Кемаль-Ататюрк М.* Путь новой Турции. Т. IV: Победа новой Турции. 1921–1927. М.: Соц.-экон. изд., VIII. 571 с.
4. *Northedge F.S.* The troubled Giant. Britain among the Great Powers 1916–1939. L.: Bull, 1966. 657 p.
5. *Parliamentary Debates.* House of Commons. Official Report. Vol. 157. L.: Aug. 4, 1922.
6. *Morgan K.O.* Consensus and Disunity: the Lloyd George Coalition Government 1918–1922. Oxford Clarendon press, 1979. IX, 436 p.
7. *Blake R.* Unrepentant Tory. The Life and Times of Andrew Bonar Low Prime Minister of the United Kingdom. N.Y.: St. Martin's Press, 1970. 556 p.
8. *Walder D.* The Chanak Affair. L.: Hutchinson, 1969. X. 784 p.
9. *Owen F.* Tempestuous Journey: Lloyd George, his life and times. L.: Hutchinson, 1954. 784 p.
10. *Лемин И.М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919–1925. М.: Госполитиздат, 1947. 488 с.
11. *Mosley L.* The Glorious Fault: the life of Lord Curson. N.Y.: Harcourt, Brace and Co., 1960. XIII, 334 p.
12. *Goold J. D.* Dilemma over Germany and the Near East, 1920–1922. //The Historical Journal. Cambridge. Dec. 1978. Vol. 1, № 4. P. 913–939.
13. *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 280 с.
14. *Medlicott W.U.* British foreign policy since Versailles (1919–1939). L.: Methuen, 1970. VIII. 316 p.
15. *Morgan K.O.* The Age of Lloyd George. The Liberal Party and British Politics, 1890–1929. L.: George Allen and Unwin, 1973. X, 233 p.